

РАССКАЗЫ

САПОГУ НЕ ПАРА

Книги рассыпались по полу, едва он взялся за бечевку. Что за idiotские форматы нынче! Раньше все книги выпускались одинаковыми, потому как стандарт диктовал. Ну, были альбомы — побольше и пошире. Еще миниатюрные издания были. Но реже. Ни те ни другие он не покупал. Особенно альбомы. К чему? Эрмитаж рядом.

Леша присел на корточки и снова начал укладывать книги стопкой. Книжный столбик, заново перевязанный сикось-накось, грозил опять развалиться. Алексей с тоской поглядел на растянувшиеся во всю стенку стеллажи. А эти как? Пушкин перед смертью обратил взор на книги и произнес: «Прощайте, друзья». Но он не Пушкин. Ну, то есть он не при смерти. Прийти сюда и забрать свои книги он вправе. Во-первых, он еще здесь прописан, а во-вторых, они пока в браке. Сейчас он заберет только то, что, как говорится, для души: Кафку, Гессе и Тимура Кибирова. Голсуорси и Некрасова не тронет. Пусть читает. Хотя он уже несколько лет не видел книгу в руках у жены. Зато, помнится, теща хвалилась, как она ночами стояла за академическим изданием Пушкина. Зачем им академическое?

Книги на стеллажах в основном научные. Когда их количество начало расти в геометрической прогрессии, жена скрепя сердце согласилась освободить целую стену под стеллажи до потолка с уговором, что он сам будет стирать пыль с верхних полок. Он легко дал обещание.

У Алексея похолодело в животе. Да — прописан, да — пока в браке, но вдруг жена все книги вынесет на помойку, сдаст в макулатуру... хотя сейчас вроде в макулатуру не сдают. Значит, на помойку... Нет, она не такая. Она воспитана на любви и уважении к книге. Неважно, что это книги по сравнительному языкознанию и этимоло-

---

Аглая Юрьева родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет. Кандидат филологических наук. Один из авторов многотомного «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.», многочисленных работ по истории русского языка, этнолингвистике и фольклору, а также учебно-методических пособий по культуре речи. В 2013 году окончила докторантуру СПбГУ. Работала старшим научным сотрудником в отделе словаря языка М. В. Ломоносова в Институте лингвистических исследований РАН. Преподавала риторику и культуру речи в Северо-Западной академии госслужбы. Литературной деятельностью занимается с 2013 года. Лауреат двух конкурсов «Самарские судьбы», призер 4-го конкурса им. В. Г. Короленко; призер драматургических конкурсов: «ЛитоДрама-2016», «Волошинский фестиваль» (2016), «Ремарка» (2016), Конкурса неправильной драматургии НИМ (2017), Конкурса подростковой и детской драматургии ASYL (2018) и др. Печаталась в журналах «Крым», «Урал», «Сценарии и репертуар», «Клуб: Творчество. Общение. Интересы». Несколько пьес были поставлены в народных и учебных театрах РФ. С 2016 года член Гильдии драматургов Санкт-Петербурга.

гические словари иранских языков. Хотя, черт побери, квадратные метры стольким жизнь сломали!

Он одернул костюмный пиджак. Сложить единственный — конференциальный — костюм в сумку не рискнул: помнется. А гладить он не научился.

Конечно, Алексей осознавал, что поступает подло. Ну, почти подло. Уйти вот так, не поговорив, исподтишка. Но он не в силах совершить два поступка сразу: решиться уйти и поставить жену в известность. Духу не хватает. А с другой стороны, чего ставить? Увидит, что его нет, — и все поймет. И никаких скандалов. И хотя они с женой не только жили, но и работали под одной крышей, не устраивать же разборки на глазах сослуживцев.

Он выволок сумку и кривую стопку книг в прихожую. Надел плащ, потом присел на табуретку переобуться, хотя удобнее было это сделать в обратном порядке: тапочки нужно было запихнуть в сумку. Но тут в двери загремел ключ. Не успел! Алексей вскочил, прижав тапочки к груди.

Вернулась жена, Ольгушка. Когда-то, в период жениховства, она запретила ему так себя называть, потому как «Ольгушка» очень похоже на «лягушка». Он и не стал. А теперь уже можно.

— Ты дома? — спросила жена, подходя к вешалке. Ткнула носком сапога в книжную связку: — Умер, что ли, кто?

Да, в их институте тоже умирали сотрудники или бывшие сотрудники, оставляя после себя огромные научные библиотеки. Родственники, которые не шли по той же научной стезе, что их дяди, тети или двоюродные бабушки, часто предлагали забрать сослуживцам что-нибудь из книг — на память или для работы. Библиотека института была укомплектована полностью академическими книгами, поэтому в них не нуждалась (разве что взамен украденных или утраченных недобросовестными читателями). Поэтому библиотеки усопшего растаскивали коллеги. С повальной цифровизацией пристраивать книги стало сложнее, но, к счастью, цифра еще окончательно не добралась до глубин академической науки. Пока еще не отпала необходимость во многих справочных изданиях: Википедия не справлялась.

— Нет, это мои, — буркнул Алексей. Она что, не видит сумку?

— А... — равнодушно сказала жена, повесив куртку.

— Оля, я ухожу! — выпалил он, изо всех сил сжимая тапочки.

Оля смотрела на него и молчала. Он решил, что надо продолжить.

— Оля... я ухожу из дома... из этого дома... от тебя... Навсегда, Оля... Только вот книги остальные в другой раз заберу, наверное...

Оля почему-то не изменилась в лице.

— Ну, значит, не навсегда.

Он подумал, что чего-то недосказал.

— Ты пойми, мы разные люди.

У жены на лице показалось что-то вроде усмешки.

— Да все люди разные, Леша.

«Она не понимает? Или валяет дурочку?»

— У нас же абсолютно разные интересы, разные жизненные идеалы, у нас совершенно различный понятийный уровень, у нас до смешного разные цели... задачи...

Ольга присела на табуретку.

— Ну-ну, что там дальше обычно у вас, ученых, идет? Цели, задачи... новизна... методы, теоретическая и практическая значимость... объект и предмет...

Леша чуть не взвыл. Вот так всю жизнь! Не считается с его работой.

— Мне трудно с тобой, Оля! всю жизнь трудно!... Ты бухгалтер, Оля! И не только по профессии. Ты по сути своей бухгалтер!

Оля переобулась, поднялась и показалась ему выше, чем была.

— Я все поняла, Леша. Мне обед разогреть надо и фарш... надо тоже...

Она подхватила пакеты с продуктами и направилась в кухню. Ну иди же, Леша, иди! Все сказал, а дальше — ее дело. Но Алексей плюхнулся на собранную сумку (все-таки хорошо, что не упрятал туда костюм) и с горечью продолжал. Потому что когда горечь накопилась, надо ее выпустить всю, как из заквашенной капусты.

— А ведь я тебя тогда полюбил, — почти причитал он. — Подумал, душа родственная, вот с кем в горести и радости. А оказалось... Радости открытия ты не разделишь!

— Ах, радости открытия, — Ольга появилась в коридорном проеме с упаковкой фарша в руках. — А что если к тебе эта радость приходит в три ночи, а мне к девяти на работу? Это у тебя два присутственных дня и ходи когда хочешь.

И снова ушла в кухню.

Леша не остановился. Потому что не все сказал, а она его перебила.

— И на чувства ты, Оля, скупа. Все у тебя по клеточкам расписано: приход — расход. Здесь прибыло, здесь убыло. А здесь выплачено по счетам.

— И всегда все в ажуре, — из кухни отозвалась жена.

— Вот-вот, я ж говорю: ты человек цифр, а цифрами чувства не выразишь. Мы с тобой из разных миров, О-ля!

Оля снова вышла из кухни.

— Мы из разных отделов, Леша. Ты помнешь костюм.

Он не без труда поднялся. Сумка не чемодан: сидишь почти на полу, а из физических нагрузок он только картошку таскал из магазина — да и то по воскресеньям. Стал на колено, опершись на табуретку, выпрямился наконец.

— Нет. Бухгалтерия и индоевропейское языкознание — разные миры.

— Послушай, инопланетянин, собрался уходить — так вали.

«Вали!» Пятнадцать лет, между прочим, прожили! Это вообще считается какой-то свадьбой — то ли бронзовой, то ли оловянной. И он здесь прожил пятнадцать лет! И всегда был Лешенькой или Лешиком. Только на имя у нее ласковых чувств и хватало. А между прочим, он по ее вине и для институтских остался до сих пор только Лешей. Отчество у него было Евлампиевич. Ну да, редкое. Но вполне выговариваемое. Он уже три года отработал в институте, когда туда пришла Оля. Однажды, столкнувшись с ним в коридоре, она смутилась, покраснела и поздоровалась: «Здравствуйте, Алексей Лампадович». Стоявшие в коридоре сотрудники сползли по стенкам. С тех пор он не представлялся по имени и отчеству. Мало ли как еще назовут. Правда, Лампадычем его звали недолго — и те, кто вскоре оставил или институт, или родину.

— О-ль, послушай, я пока ключи оставляю... ну, чтоб за книгами...

Она пожала плечами.

— Мне твои книги ни к чему... Сразу столько места освободится, — и вдруг вздохнула: — Пусто теперь будет, — и на табурет опустилась. Как-то тяжело. И голову вниз. А он истолковал все по-своему.

— Я тебя понимаю, Оля... Мне ведь тоже нелегко... Ну хочешь, я Мишку к себе заберу?

Она подняла голову.

— А Ваську?

— Как Ваську? — он опешил.

— А так, — сухо ответила она, — уж с котом я и одна справлюсь, а вот за сыном приглядеть надо. Впрочем, ты никогда им особо не интересовался.

Потягиваясь, выполз из ванной черно-белый лохматый Мишка, осовело посмотрел на них, зевнул и вперевалку направился в кухню проводить ревизию принесенных Олей пакетов.

— Почему не интересовался? — возмутился Алексей. — Очень даже интересовался. И теперь интересуюсь.

— Ты хоть знаешь, какие у него оценки в школе?

— Ну... разные, наверное.

— Разные!!! Когда меня спрашивают, как ваш мальчик учится, я скромно отвечаю: «Всего одна четверка!» — «О!» — восхищаются все. У него, Леша, одна четверка! Все-го одна четверка! По литературе. Потому что я пишу ему сочинения! Остальные — тройки. И двойка по химии!

Алексей был озадачен. Развивать педагогическую тему было явно не к месту. И он сказал. В шутку.

— Эх, все-таки зря мы Ваську не пороли, пока поперек лавки лежал.

А она завелась.

— Так я тебе и позволила б, чтоб моего сына пороли!

— А я говорю: зря не пороли!

— А тебя, что, пороли?

— Меня пороли!

— Пороли! И что получилось?!

— Нормально получилось. Потому что пороли.

«Paroles, paroles, paroles», — запели Ален Делон с Далидой. Слова, слова, слова. Ничемные, ненужные, бессмысленные.

Они замолчали. Ненадолго.

— Тапки-то положи, — сказала Ольга. Он так и стоял, с тапочками. — И пуговицу, смотри, потеряешь.

Он посмотрел на болтавшуюся на плаще пуговицу. Вообще-то, она болталась уже несколько дней, и действительно ей пришла пора потеряться. Алексей рывком оторвал пуговицу и сунул в карман.

— Потом пришью.

— Не пришьешь.

Он дернул плечом.

— Где ты будешь жить?

«Какая разница! Какая ей разница? Главное, что он не будет жить здесь. И этого достаточно».

— У Мазая пока. Он на полгода в командировке. Потом сниму квартиру.

— Квартиру?

Мамину двушку они сдавали. Оля шутила: у нас вот такие гранты. Он и не думал туда переезжать. Пусть деньги за квартиру теперь будут вроде алиментов.

— Ну, комнату. Оля, тебе-то что?

— Ничего. Дорого. Давай я тебе академическую гостиницу оформлю. И как аспиранта проведу по документам.

Тут Алексей взорвался.

— Унижаешь! И всегда унижала! Я кандидат наук, Оля! А ты — «как аспиранта»... Эх!

Да, он был кандидатом. Уже давно. Еще до встречи с ней. С их курса в Институт языкознания взяли двоих — его и девчонку со смешной фамилией Стысик. Стысик, несмотря на свой гренадерский рост, робела перед бородатыми учеными мужами, смешно топырила нижнюю губу и всегда готова была расплакаться. Ей сразу сказали: пусть

забудет все, чему учили в университете, и отправляется в тунгусско-маньчжурский сектор учить удэгейский язык, так как специалистов по нему совсем не имелось. Стысик всхлипнула и пошла, куда велели. Алексей, вспомнив литературу, тут же окрестил Стысик «Последней из Удэгэ», а сам бодро и уверенно заявил ученому совету, что у него готова тема для исследования — «Гипотетический изафет в древнерусском языке в сравнении с фарси». Бородатые ученые мужи развели руками, почесали бороды, поскребли затылки — и отправили Лешу в аспирантуру, а старый и всемогущий академик стал его научным руководителем. Академика он видел второй раз уже на своей защите, которая прошла скоро и блестяще. Стысик все еще рыдала над удэгейским языком.

Прибавка за степень оказалась не слишком весомой, больше для самоутверждения кандидата. Правда, у коллег был еще один источник дохода, на котором они сосредотачивали свои умственные силы, — показатель результатов научной деятельности (ПРНД). Чем больше опубликуешь научных статей, тем выше показатель. Значит, и прибавка к зарплате выше. Но тут Алексею не везло. Научные журналы неохотно публиковали про «гипотетическое», чаще отказывали в публикациях. К тому времени начала расцветать эпоха президентских грантов, но и тут его ждала неудача. В его работе не видели горизонта. Тогда ничего не оставалось, как приняться за докторскую. Дерзость (если не сказать наглость) Алексея состояла в том, что он полез в дебри древнеармянского языка. Из армянского к тому времени он знал только три фразы, выученные по старинному разговорнику: «Спасибо», «Бог в помощь» и «Городовой, держите мальчишку, он украл кошелек». Потом, к сожалению, выяснилось, что специалисты по древнеармянскому все же есть — хотя и не из их института. А все научные труды написаны главным образом по-армянски. К тому же академик — теперь уже научный консультант — вскоре умер, оставив соискателя без всякой надежды на скорую защиту. Работа застопорилась. Последняя из Удэгэ давно обошла его, защитив докторскую по синтаксису всех тунгусских языков вкпе с маньчжурскими. Алексею не просто не везло: ему еще мешали. Потому что если никто не помогает, то, значит, мешают. Мешали теща и тесть с дачей, теплицами и кольцами колодца (хотя соленые огурцы у тещи получались отменными), мешала жена с театрами, музеями и гостями, мешал Васька — сперва орущий и мокрый, затем — с синяками и жалобами от воспитательниц, а потом — с найденными в карманах сигаретами. Алексей скрывался от всего этого в библиотеках, но диссертация не продвигалась. Он уже стал притчей во языцех у молодых да ранних коллег, что тоже сладости в жизнь не добавляло. А он был одержим наукой и не намерен был отступать. Нужно было только смести преграды. И вот он решился! Да, может, он и причиняет кому-то боль, но разве ему не больно было все эти годы. А теперь он все начнет заново. И очень быстро. А жена... ну... не его поля ягода, пора уже признать. «Как аспиранта...»

— Нет, в самом деле, что тут такого? А выйдет дешевле.

— Вот! — почти взревел он. — Опять бухгалтерия! Опять цифры! Ты — цифра, Оля! Ты сама цифра! Сухая, правильная, безжалостная цифра! Какая ты цифра, Оля? Единичка, двойка, тройка? Ах, нет, Оля. Ты пятерка! Ты всегда пятерка!

— Ноль, — спокойно, не поддавшись на его крик, ответила жена.

— Ноль? — он ущербно захохотал. — А-ха-ха... я забыл, что это тоже цифра, — но вдруг спохватился: — Ой, нет, Оля, что ты, какой же ты ноль, Оля! Я ни за что не скажу, что ты ноль. И не наговаривай на себя! Ты значительнее, ты больше, чем ноль...

— Ну, раз больше, тогда два нуля. Сейчас сольешь и уйдешь.

— Ну уж, знаешь, совсем ты, Оля, оборзела, вот что я тебе скажу. — Он начал утрамбовывать свои тапочки в сумку. — Я обязательно закончу диссер. Хоть вчерне, но

закончу. Я должен. У нас я единственный специалист по этой теме. Единственный. Ну, может, еще есть один-два... в мире.

— Ну конечно, — согласилась Оля, но как-то нехорошо улыбнулась. — И может, тогда тебя пригласят в Армению, чтобы ты армян научил их родному языку.

— Я занимаюсь древнеармянским, а его не всякий армянин знает.

— Да знаю, чем ты занимаешься. Грабарь. И давай быстрее, а то Васька скоро с тренировки вернется.

Такого издевательства Алексей вынести не смог!

— Сколько раз тебе можно говорить! Грабар, Оля. Гра-бар-р-р-р. Твердое «р». А Грабарь-рь-рь — это такой художник. Поняла?

Оля протянула руку и погладила его по щеке, отчего он отпрянул.

— Поняла. Игорь Эммануилович.

— Что?

— «Февральская лазурь», — и снова села на табуретку.

— Э-э, Оля, Оля, — затряс ее за плечи Алексей, — что с тобой? Оля, ты только успокойся, только успокойся, все будет хорошо... Я сейчас... Водички.

Он рванул в кухню, сбив растянувшегося на полу кота. Кот рывкнул, пригрозив, что обратно Алексею ходу нет. Воду откуда? Из-под крана, что ли? Нет, вроде у нее тут стояла отстоянная. Ай, не до этого. Сунул стакан под кран. Кот выжидал в засаде, но передумал и пришел в прихожую вылизываться. Вернулся. Оля сидела, закрыв лицо руками. Нет, не плакала. Смеялась.

— Леша, будешь в Москве — сходи в Третьяковку. Нельзя же быть лишь специалистом.

Он хотел запустить стаканом в стенку, но расплескал воду себе на конференциальный костюм и обрызгал Мишке хвост.

— Ах так! Ну ты и артистка, Оля. Нет, не артистка — авантюристка. Притвора... ты симулянтка... ты...

— Сикидэшница.

— Чего?

— Это синоним.

— Что за слово-то?

— Поднимись к ребятам в словарный отдел, они объяснят.

Он не разбил стакан, а, выпив оставшуюся воду, поставил его на столик рядом с телефонным аппаратом.

— Знаешь, ты меня вывела из себя. Мое терпение лопнуло. Ты уже довела меня до белого каления.

— Фразеологизмы.

— Что? — А вот теперь стакан швырк об угол. Не разбился. Угол не острый, наверное. — Немедленно, немедленно ухожу из этого дома! Все!

Схватил сумку и книжки, которые тут же разлетелись. Чертыхнулся, махнул на книжки рукой и открыл входную дверь.

— Цтэсутюн, сирели! — понеслось ему вслед.

Он хлопнул дверью так, как не хлопал никогда. Хотя теща всегда зудела, что он дверью хлопает.

Сколько Оля просидела около вешалки, никто не засекал. Минуту или час — какая разница. Книжки вот только разбросаны. Почему-то зазвучало «Расцветай под солнцем, Грузия моя». Оля отмахнулась, словно от мухи: совсем не то! Она вдруг вспомнила худенького, лохматого Лешика с лезущей на глаза челкой, в свитерке, из которого

давно вырос, как пошутила ее подруга, веселого, остроумного, нежадного и немного сумасшедшего, как все ученые. Тогда она подолгу слушала его умные речи, силилась понять терминологию... какой-то там «шва-индогерманикум»... Нет, не стоило продолжать, она совершила ошибку. Ведь Леша был давно женат. На науке. И наука наверняка была счастлива в этом браке, а вот был ли счастлив Алексей...

А как муж обиделся, когда она посмеялась, что он не читал пушкинского «Царя Никиту и сорок его дочерей». Конечно, не может человек знать все. Не у всех же есть академическое издание Пушкина... И впрямь, не отделы у них были разные, а вселенные. А они — два обломка из разных галактик... Всегда нужно искать людей своего круга. Чтоб тебя понимали. С полуслова. Или, как говорят семейные психологи, чтоб не друг на дружку смотрели, а в одну сторону. В бухгалтерии работаешь — бухгалтера тебе. Ну, можно еще экономиста! Общие интересы о дебете и сальдо. Да... очень смешно, очень.

Оля начала поднимать с пола книги и складывать на табуретку. Опять зазвучала песня про Грузию. Да нет же! Не то, не то, не то... Когда-то она была в Армении и видела, как мужчины танцевали кочари. Это танец такой. Простой и мужской. Мужчины кладут руки на плечи партнеров — и быстро, дружно, кружком танцуют. Так плясать мужчины могут целый день. Может, даже всю жизнь. Оля подпрыгнула, как прыгают мужчины в кочари, а потом, раскинув руки, словно опустив их на чужие плечи, стала кружиться. Как там они ногами дрыгали... вот так, кажется... Но держать руки на весу тяжело: рядом не было других плеч... Тогда она скрестила руки так, что ладони оказались на плечах. Вот так. Прыг! Прыг! Кот из угла смотрел на хозяйку и при каждом ее прыжке дергал ухом. А Оля подпрыгивала — и снова кружилась. Так энергично, так отчаянно, так самозабвенно, что слезы выступили. Или ей казалось, что она кружилась, потому что со скрещенными руками не больно-то покружишься. Но все, стоп. А то нервные соседи постучат по батарее и — не дай бог — припрутся. Что у вас случилось? Ничего у нас не случилось. Все в порядке. Все же в порядке, да? Она, Васька, Мишка, дом... И работа! Постоянная, надежная работа! Придется видеться. Но это только пока тяжело. Потом пройдет. В крайнем случае можно найти другую работу: бухгалтеры везде требуются. А все его книги она уложит сама в коробки. Чтоб когда за ними придет, сразу с порога — фьюить! Давай, до свидания! Как не бывало! Как будто ничего и не было!!!

Оля вытерла глаза, достала из сумочки мобильный. Потом почему-то отложила, придвинула табуретку к столику с телефонным аппаратом.

— Наташ, добрый вечер! Извини, что беспокою... Да, ты права: после работы ни слова о работе... Но я только на минуту. Салат готовишь? Греческий. Ах, уже слюнки текут. Моим-то чего! Макарон побольше да котлет потолще... В общем, Наташ, ты помнишь, я с утра в банке... Ага, помнишь. Так ты ПРНД сама проведи, хорошо? Ну да, ну да... А то эти ученые нам бухгалтерию разнесут, если мы их научные показатели не оплатим. Так... Директор сказал, чтоб аспирантов поощрить... И это, помнишь, молодец... Если Лебедев притащится — гони его в шею, пусть меня ждет. Не положено ему аванса... Ну все вроде. Извини еще раз... Так, значит, помнишь: я с утра в банке... Ну все, пока... До завтра... Ой, вот еще что. Вот чуть-чуть бы — и забыла. Наташ, Наташ, ты ведь там салат греческий готовишь, да? Ты вот что, Наташ... Ты в салат перец не клади. У него на этот перец жуткая аллергия...

КАРТИНА

Она все не шла. А дождь шел. Все настойчивей и бесцеремонней. С дождем мокла и таяла его надежда.

Он поднял воротник куртки и зашагал прочь.

Перешагивая лужу, он наступил на валяющуюся картонку. Картонка перевернулась, забрызгав брючину до колен, и оказалась картиной, написанной каким-то любителем. Он поднял ее и неизвестно зачем принес домой.

Очищенная от грязи и обсушенная картина оказалось гораздо хуже, чем показалась ему под дождем. В центре желтая от песка и солнца дорога с нарушением перспективы вела к белому одноэтажному домику в три окна. Своей вытянутостью домик походил на колхозный коровник, которые он не одно лето строил в студенческих стройотрядах. Вдоль дороги росли огромные деревья — то ли лиственные, то ли хвойные — с удивительно ровной корой. Да за белым строением, похоже, возвышался лес. В общем, совершенно неумелая, дикая по колористике работа и должна была по праву занимать место в уличной луже.

— Откуда дерьмишко? — приветливо осведомился друг, увидев на стене «неведомый шедевр». — В наследство досталось?

— Да так, нашел и принес.

Друг был хороший друг, но гоготал беспрестанно.

— Попробуй снять первый слой с холста. А вдруг на нем замалеван какой-нибудь Босх или Рембрандт Питер Пауль.

— Рубенс!

— А, конечно же, Рубенс.

— Нет, я к тому, что Питер Пауль — Рубенс. Но это не холст. Просто грунтованный картон.

— Ну, все равно ценное приобретение! Ой, как травка зеленеет и солнышко блестит!

— Да заглохни ты. Мне нравится. Ну вот нравится!

Друг замолчал ненадолго, а потом резюмировал:

— Ты ж не станешь возражать, что это абсолютное и окончательное дерьмо? Если уж сам этот доморощенный Рубенс ее выбросил. А такие Рубенсы очень трепетные к своим работам: что ни намалюют — все шедевры. У нас сосед был, жуть до чего любил это дело. Особенно ему удавались птички около скворечника, на жердочке. Сидит птичка и поет. А рядом веточка зелененькая тянется. Как-то попросил у него такую птичку, чтоб в школу на рисование принести — не дал, руками замахал: что ты, что ты! Тогда я стянул у него одну акварельку... А когда он пришел родителям жаловаться, у него на глазах ее порвал...

— Жестоко. Художника может обидеть каждый.

— Ага. Воругой у него так и проходил, пока мы не переехали... А смотри-ка, на дороге-то нет ни одного следа. И от колес не видно.

Они стали гадать, почему нет следов, вынеся за скобки неумелость неизвестного рисовальщика. Дождь, который смывает все следы, они тоже исключили, а включили фантазию. Пожалуй, какой-то затворник, нелюдим, мизантроп давным-давно уединился в том доме, ушел от невзгод и хлопот. От людей. От жизни. От солнца.

— Картина должна называться «Одиночество», — подытожил друг.

Тогда он согласился. Настроение такое было.

* * *

— К нам сегодня в квартиру залетела бабочка! — крикнула из кухни жена, едва он вошел в дом.

— Ну и что? — равнодушно отреагировал он, переобуваясь в тапочки.

— Как ну и что? — показала жена. — Одиннадцатый этаж, вообще-то. И почти центр города.

— А до какого этажа летают бабочки? — устало произнес он и пошел мыть руки.

— А я знаю? Думаю, есть ли в этом какая-то примета... ну, в том, что бабочка залетела в дом.

Он открыл воду и закрыл дверь. Говорить ни о чем не хотелось. Во-первых, устал. А во-вторых, ничего нового в разговорах не будет. Ладно, степенно, серьезно и пресно проходили семейные годы. Все как у всех. А почему не должно быть, как у всех? Особенные они, что ли? Нет же. Расходились — сходились. Разбегались — сначала по родителям, потом по разным комнатам. Сбегались. Звал долг, корила честь, зудели гормоны. Так без малого тридцать лет. Дочь вышла замуж, съехала. Оказалось, что больше ничего и не связывает. Окончательно не связывает. Показалось ужасным. Потом ужас прошел: привычка оказалась сильнее. Вспомнил, как на праздновании серебряной свадьбы жена игриво сказала: вот если бы мы с тобою развелись, то я второй раз вышла б замуж только за тебя. Ждала похожего ответа от него. А он вдруг не кстати задумался. Она обиделась, и настроение у всех на торжестве было испорчено.

— Ну, так что-нибудь знаешь про примету? — пока жена не получит его физико-математического ответа, не прекратит задавать вопросы.

— Да какая разница! У тебя же нет этой... как ее... ле-пи-до-птерофобии, — из ванной направился за стол.

— Это что-то вроде аллергии на пыльцу? — уточнила жена.

— Нет, это психика.

— А я психую, да. — согласилась супруга. — Я вот знаю, например, что если птичка в дом влетит — это к смерти.

Он вздохнул, постучал вилкой по пустой тарелке. Жена забрала тарелку и повернулась к плите.

— Да вот же, вспомнила, — вернулась с макаронами жена, — давно еще... сидела у научного руководителя своего, окно открыто было, вдруг синичка на подоконник прыг. И клювом так стук-стук по раме. А потом улетела. Мой научник тогда сказал: «Ну все, птичка за мной прилетела, умру скоро». Ну и умер же.

— Что прям у тебя на глазах?

— Не-ет, еще года через полтора-два. Я защититься успела.

— Из-за синички умер?

— Я не сказала, что из-за синички. Глупость какая: из-за синички! Есть же приметы. Они веками складывались. Если хочешь знать, даже диссеры защищают по приметам.

Он подошел к плите с тарелкой. К макаронам полагались еще котлеты. Да, они были. Но с женой так всегда. Пока не исчерпает тему, ни о чем другом думать не может.

— Твой научник бухал как сапожник, его цирроз скрутил, а бабочка по всем приметам ничего страшного не несет. Славяне в древности считали, что бабочки — это души умерших. Болгары и сейчас говорят, когда бабочку увидят: «Вон душенька полетела».

Жена в таком ответе увидела страшное. Даже inferнальное.

— Ну вот! Душа умершего! На одиннадцатый этаж! А знаешь, куда это душа села? На твою дурацкую картину! Прямо вот на дорогу. Крылышки разбросала, словно на солнышке греется...

— А когда погрелась, куда делась?

— Я ее тряпкой накрыла и в окно выпустила. Мало ли куда она еще сядет... Ой, а может, это душа художника была?

— Может... — согласился он. Котлеты были вкусные. И даже макароны тоже. — Узнала душа, где его картина, — и прилетела. Будем ждать следующих бабочек.

— А знаешь, как мне надоели все твои картины! — вдруг взвилась жена. Она так и не притрагивалась к своей тарелке. — Уже все стены ими завесил. Ладно бы что-то стоящее покупал, а то все с барахолки тащишь.

— Не всегда с барахолки, — вяло возразил он. — Иногда с выставок.

— Или какого художника приглядел, покупал бы у него работы. Вот Ринат Зама-тов красивые цветы пишет. Лучше уж одну настоящую купить, чем мусором заполнять квартиру. Ремонт сделать невозможно: некуда убрать будет.

— Зато обои не выгорают, — аргументировал он. За тридцать лет он привык к внезапным сменам ее настроения. Сейчас выскочит из-за стола и уйдет, по обыкновению, плакать в спальню. Картин там не было, зато были букеты цветов из фоамирана, изготовленные руками дочери. Мертвые цветы, конечно, лучше. Потому что как живые.

Жена так и сделала. Только ушла не в комнату, а в ванную и включила стиральную машину.

Картина, прозванная когда-то «Одиночество», висела теперь в кухне. Он внял женным просьбам и перевесил ее сюда. Какая бабочка, интересно? Спросить жену разве? Не стоит. Пусть отвлечется на стирку и успокоится. Да и разницы нет: крапивница, павлиноглазка, капустница... Хотя точно не капустница: она скромница и крылышек не распускает... Ему стало смешно от мысли о стыдливой бабочке. Надо же, села прямо на изжелта-желтую дорогу. Бабочка прилетела, на дорожку села...

Внезапно его осенило. Ай да бабочка, ай да душенька! Нет, никакое не одиночество, не затворничество, не отшельничество отразил на картине горе-живописец. Он покачал головой. Стоит ли таких мыслей подобранная картонка? Неумелая, нелепая картинка с широкой дорогой, по которой никто не ходил и не ездил! Тогда, много-много лет назад, они решили, что дорога ведет к маленькому домику. А дорога пролегла в противоположном направлении! От домика прямо к ним, сквозь них. Ах, бабочка, ах, душенька, подсказала. Подсказала всей своей тысячелетней историей бабочек и многовековым славянским мироощущением. Эта пустынная дорога на картине вела в рай!

В рай, в рай. Определенно.

ДЕВУШКА И МОТОЦИКЛ

Мотоциклы мне нравились с детства. Я застывала в восхищении с открытым ртом, когда мимо проносился лихач (так тогда их называли) на черном или темно-бордовом мотоцикле. Но едва я успевала открыть рот, как мотоцикл с наездником уже скрывался из виду. В памяти всплывал стишок, рассказанный кем-то из мальчишек: «Мотоцикл-цикал-цикал...» Дальше шло по тем временам непристойное. Но детские непристойности меня не касались. Мне нравилось лишь это: «цикал-цикал».

Мотоциклов в то время в городе было мало. Народ относился к ним прозаически — как к средству перевозки жен и грузов, преимущественно на дачу, а посему владельцы цепляли к своим «Явам» и «Ижам» пузатые коляски. Но что такое коляска у мотоцикла? Все равно что костыль у человека. Автомобиль — это зверь, потому что на четырех опорах, а мотоцикл — это homo o двух колесах, это продолжение тебя, это твои скороходные ноги, это твои расправленные крылья, это твой попутный ветер.

В мотоциклетной коляске цвета консервированного горошка катал нас по дачному поселку Димкин дед. Но самым большим удовольствием было залезть на сиденье его мотоцикла, согнуться, как заправский гонщик, закрыть глаза и представить, что ты вместе с мотоциклом срываешься с места и мчишься-мчишься-мчишься, а дороги-то вы с ним даже не касаетесь. Но конечно же, перед этим надо было лягнуть ногой около педали и произнести «дыр-дыр-дррррр».

Один дачный умелец ловко превращал велосипеды в мопеды, прикрепив им моторчик на заднее колесо. Но мой «Орленок» не захотел летать, как настоящий орел. Моторчик с велосипеда умелец снял. Зафиксированное заднее колесо так и не расфиксировалось, а переднее колесо с тех пор крутило лишь знак бесконечности — «восьмерку».

А потом, в городском дворе, когда я щипала листья одуванчиков для нашей черепяхи, меня задело мотоциклом, на котором незадачливый парень из дома напротив пытался тормозить и развернуться одновременно. Я отлетела, как одуванчик, метра на два, а потом еще кувыркнулась несколько раз. Все во мне уцелело, а любовь к мотоциклам только окрепла.

В девятом классе я перешла в другую школу. И тут неожиданно-негаданно мою любовь к мотоциклам разделила соседка по парте — Наташка Тургенева, никакого отношения не имевшая ни к писателю, ни к его барышням, но все равно очень красивая. С ней мы стали ездить в Юкки: смотреть соревнования по мотокроссу. Мы взвизгивали, вцепляясь друг в дружку, когда мотоциклисты заходили на крутой вираж, мы восторженно замирали, когда гонщики устремляли мотоциклы вверх, в полет. Мгновение в отрыве от земли! А мне казалось, что мотоциклы парили. И в животе становилось щекотно от чужого полета, и сердце уходило в пятки, а потом возвращалось обратно и не оставалось на месте спокойным. Вскоре я заметила, что Наташка больше стреляла глазами по мальчикам, а потом и совсем на них переключилась. Так что в Юкки я продолжала ездить одна. Нельзя сказать, что меня не интересовали мальчики. Интересовали. Но только вкупе с мотоциклом. С надеждой я покупала лотерейные билеты ДОСААФ, потому что там постоянно разыгрывались мотоциклы «Иж» — с колясками и без колясок. Я регулярно поверяла тиражные таблицы, но счастье с мотором обходило меня стороной.

Приближалось совершеннолетие, и я потихоньку намекала родителям, что теперь-то можно будет сесть на мотоцикл, а мотоцикла-то и нет. Папа отшучивался. Мама была категорична:

— Девочка, а ведешь себя, как парень.

— Я, между прочим, шить умею, — огрызнулась я. — Мягкие игрушки!

И фетровый тигренок оскорбленно подлетал к потолку.

На восемнадцать мотоцикл мне не подарили. Подарили на девятнадцать.

— Убийца! — сказала мама папе, капая в рюмку корвалол. — Она свернет себе шею.

Чуть подержанная, но исправная «Ява» ждала меня под окном. О, этот с детства обожаемый темно-рубиновый цвет! И сверкающий бак! И широкое коричневое седло, подпоясанное таким же ремнем! Как же можно было с такой расстаться?! Я любовно гладила свою-свою-свою «Яву», боясь выпустить на волю выпрыгивающее сердце.

— Но как же ты будешь ее каждый день затаскивать на третий этаж? — спросил папа.

— Не хватало нам еще в квартире этой бандуры! — то ли не поняла шутки, то ли подыграла папе мама.

До ошалевшей от счастья не сразу дошел смысл вопроса. А когда дошел, я растерялась. Да... На третий этаж тяжеловато.

Мудрый папа улыбнулся и протянул ключ. Между нашим и соседским двором был «водораздел», образованный гаражами. В одном из таких гаражей сосед держал свою

маленькую «инвалидку», оглушавшую звериным рыком жильцов дома, когда дядя Петя уезжал на работу или возвращался. Его и уговорил папа потесниться за небольшую ежемесячную плату.

— Дай мне слово, — строго произнес нестрогий папа, — что ты не будешь носиться на нем в центре города и в часы пик.

Это было сильнее меня. Я уже представляла, как я подъезжаю к дверям университета, ставлю мотоцикл, снимаю шлем, рассыпав волосы по плечам, и иду на лекцию под восторженными взглядами универсантов (ради этого стоило отпустить волосы хотя бы до плеч). Но я себя пересилила. И держала это слово. А папы через полгода не стало.

Я гоняла на мотоцикле в ночное время. Хотя почему «я гоняла»? Мы с «Явой» были словно один организм: ее сердце — мой мотор, ее кровь — мой бензин, ее азарт — моя скорость. Она не заводилась, потому что мне не хватало огня. Она разражалась грозой, едва почувствовав мой кураж. Домой мы возвращались глубоко за полночь. На пороге неизменно немым укором появлялась мама с корвалолом в руках. «Вы смотрели фильм „Ночной мотоциклист“?» — произносила я, кривляясь перед зеркалом в прихожей. Стаскивала с себя провоздушенную на набережных Невы куртку и плюхалась в постель.

Вдруг дяди-Петина «инвалидка» стала роптать на поздние возвращения «Явы» и грозилась выгнать приживалку. Дело уладили, а моя стипендия похудела еще на пятерку.

Данное папе слово не показываться на мотоцикле в центре города я держала. Но в тот поздний вечер нас с «Явой» занесло в центр. Страшно хотелось пить — и мы объезжали шеренги автоматов с газировкой в надежде найти хоть один с задержавшимся на своем месте стаканом. Мы завернули на одну из улиц, а потом еще на одну. Тут я скомандовала «Стоп!», а «Ява» недовольно заворчала и зафыркала. На тротуаре в нескольких метрах от нас стояли люди. Точнее, люди одного пола — женского. То небольшими группками по два-три человека, то поодиночке. Чувствовалось какое-то брожение, смятение, волнение. Через группы пробирался мужчина, слегка кивая одной группе, прикладывая руку к сердцу в знак признательности в другой, а то вдруг выворачиваясь штопором из третьей. Мы находились около служебного входа одного из ленинградских театров, а мужчина был явно актером, осаждаемым поклонницами после спектакля. Поклонницы что-то ему протягивали — актер от чего-то отказывался. Поклонницы старались удержать его то за один рукав, то за другой, что-то горячо ему говоря. Актер тоже что-то им говорил и старался освободиться.

Ничего себе картина! Такого мне видеть не приходилось. «Ява» продолжала бурчать: стоять на месте ей было не вмоготу. Наконец актеру удалось отцепиться от последней группы поклонниц, однако через шаг к нему справа подлетела женщина. Он кивнул два раза и с рукой у сердца дал понять, что хоть и тронут вниманием, но пойдут, куда шел. Но тут с другой стороны от стены отделилась еще одна поклонница. Уцепившись за руку, она буквально повисла на актере, с жаром объясняясь. Он попытался аккуратно оторваться от нее. Отставшая группа поняла, что кумир в силках, и ринулась к нему. Актеру удалось высвободиться от повисшей на руке девушки, он ускорил шаг. Ну не бегством же ему спастись?!

«Садись! Мы от них удерем!» — дружно проревели мы с «Явой», в ту же секунду оказавшись рядом с ним. Оказались мы, как говорится, «с ноги» и «во спасение», потому что актер по нашей команде моментально перекинул ногу через сиденье. «Ява» рванула на глупых поклонниц, оставив им не аромат кулис, а запах бензина.

— Куда? — полетел вопрос назад.

— На Пестеля, — вернулся ответ.

Мы с «Явой» неслись по ночным улицам с чувством озорника, которому удалось озорство. Лишь бы не нарваться на ГАИ. С нами теперь был третий. До этого мы никого с собой не брали, кто бы ни просил: третий железно лишний. Но этот третий к нам и не просился, мы его сами у-у-у-у-умчали. Наш третий запрыгнул быстро, разместиться со всеми удобствами на жестком сиденье времени не было. Он приковал меня правой рукой к себе, тесно прижавшись, а угол его сумки больно впечатался мне в бок. Нет-нет-нет, больше никаких приключений с третьими.

— Сюда, во двор, — прилетело мне через плечо.

Мы нырнули во двор спящего дома. Но кураж не прошел, и мы с «Явой» сделали еще один круг, прежде чем затормозили у нужной парадной.

— Ну, спасибо тебе, братишка, — слезая, произнес он, отлепив свою остроугольную сумку от моего бока.

— Не за что, — ответила я. Несмотря на тусклый свет над парадной дверью, я его узнала. Несколько дней назад видела в телевизоре. Тогда это лицо было для меня новым. — Только я не братишка, а сестренка, — я подняла защитные очки. — И очень хочется пить.

Преданная «Ява» смиренно пребывала в чужом дворе до утра. Третьей.
В ту ночь мою маму увезли в больницу с сердечным приступом.

* * *

Я высматривала, куда можно втиснуть свой «форд», чтобы ему не намяли бока. Теперь просто беда с парковкой в центре: все едешь и едешь дальше и дальше от нужного тебе объекта. Вот, кажется, оттуда выезжают, место освобождается. И тут я увидела, как по тротуару медленно шел он — грузный, седой и народный. Народ не обращал на него никакого внимания. Мы двигались по улице параллельно друг другу, точно так же, как и жили. Параллельно.

Кто-то сказал, что история повторяется, но повторяется в комическом варианте...

Ну и пусть! Пусть себе повторяется!..

Я улыбнулась и нажала на «газ».